Антифона
во льдах

Айлин Крайт

Антифона во льдах

«Автор»
2026

Крайт А.

Антифона во льдах / А. Крайт — «Автор», 2026

В партитуре Творца нет места для дуэта. Когда Небо потребовало выбрать между долгом и любовью, серафим вонзил нож в преданное ему сердце.Но война всегда оставляет выживших. Собрав себя из осколков, Лилиан бежит в мир людей. Она ищет тишины, но находит Каспера — следователя, чья забота пахнет ладаном. Она пускает его в свою морозную крепость, принимая тепло человека.Теперь Небеса предлагает новую сделку: жизнь следователя в обмен на Геенну для неё. Но Касперу мало просто иметь её тело. Он хочет владеть ею. И трубы Страшного суда замолчат прежде, чем она успеет решить, вонзить ли ей нож в его святую плоть или позволить себе согреться в последний раз.

© Крайт А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 8
Глава 2 21
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Антифона во льдах

Пролог

Ночной воздух пах мокрым асфальтом, дешевой шаурмой из-за поворота и смогом. Идеальная симфония человеческого города — шумная, грязная, теплая. Я плотнее запахнула воротник тонкого шерстяного пальто. Совершенно бесполезная тряпка против того холода, что жил у меня под ребрами, но отличная маскировка для той, кто официально считается просто уставшей девушкой-консультантом.

Срезать путь через задний двор типографии было моей маленькой ночной глупостью.

Подошвы ботинок скользнули по жирной грязи. Фонарь над мусорными баками моргнул раз, другой и сдох, погрузив узкий коридор между кирпичными стенами в густой, осязаемый мрак.

Вот оно.

Шершавое покалывание на языке, словно лизнула батарейку. Бесы. Они всегда воняют пережженным сахаром и старым жиром еще до того, как обретают форму. И они чуют мою частоту за квартал.

Двое вынырнули из теней бесшумно. Не люди. Низшие огневики, ищейки Бездны — сутулые, слишком длиннорукие фигуры, скрытые дешевыми спортивными куртками. Их глаза тлели в темноте, как угли в остывшем костре.

Они чуют мою кровь. Древнюю, густую, замешанную на пепле первых войн. Для них я просто просроченная закуска, выбившаяся из графика демоница.

— Заблудилась, пташка? — просипел первый, делая шаг вперед. От его движения куртка пошла рябью, выпуская наружу жар Преисподней.

Мое человеческое тело дернулось от ужаса. Настоящего, физиологического. Сердце пропустило удар, а потом забилось где-то в горле, пытаясь пробить ребра. Холод внутри сменился колючим льдом паники. Если я сорву эту хрупкую оболочку сейчас, если позволю своей сути вспыхнуть хотя бы на секунду, Грань затрещит по швам. Половина этого квартала уйдет в котлован вместе с печатями удержания. Нельзя. Мне нельзя.

Я сделала то, что сделал бы любой смертный идиот: попятилась к сырой стене, выставив перед собой руки.

— Ребята, кошелек в другом кармане, телефон разряжен... Давайте разойдемся?

Второй усмехнулся, обнажая двойные ряды игольчатых зубов. Воздух пошел маревом. Он потянул ко мне лапы, когти которых плавили влажную побелку стены.

Я зажмурилась. Мышцы свело судорогой желания — древнего, инстинктивного — заморозить их прямо здесь. Обратить в ледяные статуи, раскрошить в пыль. В груди заворочался привычный тяжелый ком силы, но он тут же наткнулся на глухую стену. Человеческая тюрьма выдержала. Магия отозвалась тупой болью в зубах.

Бесполезно. В этом теле я слабее новорожденного. Меня хватит разве что на то, чтобы подсветить им дорогу в Ад собственным криком.

Первый бес клацнул челюстями в дюйме от моего лица. Горячее дыхание опалило кожу.

И вдруг раздался звук. Сухой, резкий треск разрываемой плоти, совсем не похожий на боевой клич.

Давление исчезло. Жар схлынул так быстро, что меня бросило в дрожь.

Я открыла глаза.

Первый бес оседал на асфальт, распадаясь горсткой серого праха... Но вместе с пеплом из его груди вывалился тяжелый металлический жетон размером с пятирублевую монету. Он тускло блеснул в свете фонаря вязью инфернальных рун. Я успела заметить только централь-

ный символ — спираль, пожирающую собственный хвост, перечеркнутую тремя вертикальными линиями. Моя метка. Они пометили меня своим клеймом еще до атаки. Второй хрипел, насаженный на нечто темное и блестящее. Из его развороченной спины торчала рукоять старого охотничьего ножа. Рукоять была деревянной, обмотанной потертым кожаным шнурком.

Незнакомец вышел из тени справа. Обычное бежевое тренчевое пальто, заляпанное грязью на коленях. В одной руке саквояж — старый, потертый, такие выдают стажерам в убойном отделе, — в другой он небрежно крутил тот самый нож, стряхивая с лезвия черную слизь одним ленивым движением запястья. Движением, которое стоит столетий практики. Он подошел вплотную, загораживая меня от останков бесов своим телом. Его сапог небрежно, но точно поддел лежащий на асфальте жетон. Мужчина наклонился отправляя его во внутренний карман тренча одним движением. Он достал из саквояжа пробирку с консервирующим раствором и аккуратно соскреб черной стекляшкой немного серого налета со стены там, где когти ищейки плавили побелку.

Он поднял голову. Свет от ожившего фонаря упал на его лицо. Резкие скулы, чуть тронутые щетиной, внимательные темные глаза. Совершенно обычное лицо.

В нос ударил совсем другой запах. Разряд за секунду до удара молнии. Дорогой церковный ладан, которым пропахли ризницы старых соборов. И под всем этим — едва уловимый металлический привкус крови, которая никогда не бывает по-настоящему красной.

Тяжесть ладони на моем затылке. Давление, которого сейчас нет, но фантомная память о котором заставляет колени подогнуться.

Тот свет, что выжег мою суть пятнадцать лет назад.

Но лицо... Лицо абсолютно чужое. Это не он. Не может быть он. Или моя смерть сожгла не только нашу связь, но и саму способность узнавать его черты. Неважно. Нужно играть до конца.

— Господи... — выдохнула я, сползая по стене. Мой голос натурально дрогнул. — Что... что это было? На них была плесень...

Мужчина подошел вплотную, загораживая меня от останков бесов своим телом. Его движение было хищным, экономным. Ни один пьяный прохожий или обдолбанный курьер не двигается так чисто.

Он бросил быстрый взгляд поверх моего плеча — сканирующий, профессиональный — оценивая углы атаки и пути отхода. Затем его внимание вернулось ко мне. Взгляд смягчился, став почти виноватым.

— Вам повезло, что я сегодня задержался на вскрытии, — его голос был низким, спокойным, с легкой хрипотцой человека, много курящего по ночам. Никакого удивления при виде растворяющихся в воздухе трупов. — Вы ранены?

Его ладонь легла мне на предплечье. Теплая. Удивительно стабильная для человека, только что зарезавшего двух адских гончих.

Я вздрогнула, позволяя страху затопить зрачки. Маска испуганной смертной села идеально, потому что часть меня действительно была в ужасе. Только боялась я не бесов.

— Я не знаю, — прошептала я, глядя на нож в его руке. — Там были зубы. И оно... оно хотело меня съесть. Вы... вы полицейский?

Он коротко, невесело усмехнулся уголком губ, пряча нож во внутренний карман пальто.

— Почти. Судебно-медицинская экспертиза. Мы обычно приезжаем позже, когда есть работа по профилю. Сегодня график сбился.

Он говорил правду ровно настолько, чтобы она звучала убедительно. Он стоял так, чтобы закрыть меня от ветра и от взглядов случайных свидетелей. Он профессионально «ведет» периметр, пока говорит со мной.

— Как вас зовут? — спросил он мягко. — Нужно составить протокол. Хотя бы неофициальный. Те, кто на вас напал... они больше не вернутся. Слово рыцаря.

Триггер сработал снова, посылая волну жара вдоль позвоночника. Моя человеческая личина опасно затрещала по швам от его близости. Пришлось прикусить щеку изнутри, концентрируясь на боли, чтобы не выдать себя сиянием глаз.

— Лилиан, — выдавила я. — Просто Лили.

— Каспер, — представился он, протягивая руку, чтобы помочь мне встать. — Можно просто Кас. Пойдемте, Лилиан. Здесь становится сыро, а ваше пальто совершенно не греет. Я провожу вас до такси.

Он взял меня под локоть. Твердо, направляюще.

Я позволила ему увлечь себя прочь из переулка, оставляя позади два тела, которые окончательно истлели и теперь выглядели как обычная городская грязь.

Глава 1

Мы вышли на освещенную улицу. Неоновая вывеска круглосуточной аптеки резанула по глазам, заставив меня болезненно сощуриться.

Его пальцы все еще лежали на моем локте. Он убрал их только тогда, когда мы оказались в круге желтого света фонаря. Теперь, когда нас не скрывала тень переулка, я могла рассмотреть его лучше. Дешевая ткань пальто, влажные от недавнего дождя волосы, чуть сбившийся набок галстук. Идеальный вид смертного судмедэксперта, отработавшего двойную смену. Если бы не запах грозы и ладана, который становился гуще с каждым его выдохом.

— Вы как? В ушах не звенит? — спросил он, внимательно сканируя мое лицо. Его взгляд был профессионально-отстраненным, но в самой глубине зрачков плескалось что-то темное, горячее. Что-то, чему там быть не полагалось. — При контактном переходе низшие часто оставляют акустические ожоги.

Я механически качнула головой, плотнее кутаясь в пальто. От запаха его одеколона слегка кружилась голова. Хотелось сделать шаг назад, чтобы вернуть себе личное пространство, но асфальт под ногами казался слишком реальным после склизкой грязи проулка.

— Нет. Просто... испугалась. Они больные какие-то. Под спайсами?

Каспер медленно покачал головой. На его губах промелькнуло выражение легкой досады, словно учитель недоволен ответом нерадивого ученика, которого отправили в класс для одаренных.

— Хуже. Гораздо хуже. И именно поэтому вам сейчас нельзя никому об этом рассказывать. Вообще никому. Ни полиции, ни подругам за бокалом вина. Особенно полиции. Патрульные приедут, увидят пыль, вызовут спецотдел. А у ребят очень много вопросов и очень мало сочувствия к свидетелям.

Он говорил тихо, почти интимно, наклонившись ко мне так, что край его тренча коснулся моего бедра. Это было нарушение протокола допроса номер один.

— Давайте зафиксируем вашу версию событий официально, чтобы защитить вас. Что именно вы запомнили перед тем, как они напали?

Это была ловушка. Классическая полицейская провокация. Проверка показаний. Я опустила глаза, делая вид, что собираюсь с мыслями. Мои руки мелко дрожали — роль испуганной девицы давалась легко, потому что адреналин после драки все еще выжигал остатки кислорода в крови.

— Запах, — пробормотала я. — Как будто кто-то жарил дешевое мясо на прогорклом масле. И свет. У одного из них... у него глаза светились красным из-под капюшона. Потом вспышка. Темнота. Ваш нож. Простите, у меня в голове все путается...

— Отлично, — кивнул он, явно удовлетворенный моим замешательством. Именно такого сумбура ждет от жертвы следователь. — Лилиан, мне нужен ваш номер телефона. Для протокола. И потому что те, кто спустил этих шавок с цепи, могут решить проверить, прибрали ли они свои миски. Мне нужно знать, что вы добрались до дома в безопасности.

Он достал из кармана старомодный блокнот в кожаном переплете и дорогую перьевую ручку. Писчие принадлежности стоимостью в мою месячную аренду никак не вязались с его заляпанным грязью пальто.

Я продиктовала цифры. Номер зарегистрирован на имя мертвого бухгалтера из Огайо, но ему об этом знать необязательно.

Записав телефон, он вырвал листок, сложил его пополам и вложил мне в ладонь вместе с ручкой. Его пальцы задержались на моей коже дольше необходимого. Кожа вспыхнула там, где он коснулся, словно я схватилась за оголенный провод.

— Мой номер. Если услышите скрежет когтей по стеклу или почувствуете, что воздух пахнет жженым сахаром — звоните сразу. Не пишите сообщений. Звоните.

Я взяла бумажку, стараясь скрыть, как дернулся уголок моего рта. «Скрежет когтей». Он знает. О, он прекрасно знает об Инферно. Но я лишь неловко кивнула, сжимая клочок бумаги в кулаке.

— Спасибо, Каспер. Я... я даже не знаю, как благодарить. Вы появились из ниоткуда.

Вот тут он изменился. Разговорчивый, слегка циничный мужчина исчез. Стерся, как мел с доски. Он выпрямился, и тени от козырька остановочной лавки легли на его лицо, внезапно сделав его старше и древнее.

Он смотрел на меня. Смотрел так, словно пытался просверлить дыру в моем черепе и достать оттуда ту самую суть, которую я так старательно прятала. Взгляд стал тяжелым, оценивающим, пронзающим человеческую маску насквозь. Так энтомолог смотрит на редкую бабочку, случайно севшую ему на палец: смесь научного интереса, узнавания вида и легкого сожаления о том, что придется приколоть ее булавкой.

— Не стоит благодарности, — ровно произнес он, наконец отводя глаза. Уголок его губ дернулся в намеке на улыбку, которая совершенно не затронула потемневший взгляд. — Просто делайте свою работу, живите своей жизнью и постарайтесь больше не ходить через темные дворы после полуночи. Люди вроде вас обычно долго не живут, если привлекают внимание тех, кто живет внизу.

Фраза ударила под дых. Он имел в виду свидетелей? Или демонов, которые пытаются притворяться людьми? Я сглотнула ком в горле, списывая внезапный холод между лопатками на ночной сквозняк.

Подъехало такси. Желтый седан моргнул фарами, разбивая странное оцепенение.

Каспер открыл заднюю дверь.

— Прошу. Водитель отвезет вас куда скажете. Деньги не нужны, поездка уже оплачена.

Я замешкалась на секунду, глядя на него снизу вверх. Он остался стоять на тротуаре, засунув руки глубоко в карманы. Силуэт в бежевом плаще, подсвеченный ядовито-зеленым светом таксистской «шашки».

— Отдыхайте, Лилиан, — сказал он, наклоняясь к самому дверному проему. Его голос снова стал мягким, бархатным, возвращая маску заботливого спасителя. — Мы завтра свяжемся с вами. Днем.

Я села в салон, кожей чувствуя этот тяжелый, изучающий взгляд сквозь заднее стекло.

Водитель, пожилой мужчина с сонными глазами, обернулся: — Куда едем, мисс?

Я назвала адрес квартиры. Когда машина тронулась, я позволила себе выдохнуть. Прижалась лбом к холодному стеклу.

В зеркале заднего вида отражался пустой мокрый тротуар. Каспера там уже не было. Растворился. Исчез так же бесшумно, как и появился.

«Кем бы ты ни был, Каспер, твоя человечность протекла прямо у меня на глазах», — подумала я.

А потом вспомнила тепло его ладони на своем запястье. Оно не обжигало. Человеческое тепло обычно заставляет демонический лед отступать болью, а это просто грело. Равномерно и безопасно. Словно он знал точную температуру плавления моей кожи.

1.1

Замок щелкнул с глухим, влажным звуком. Я ввалилась внутрь крошечной студии, плечом захлопнула дверь и дважды повернула верхний ригель. Щелк. Щелк.

Звуки замка всегда звучат здесь как-то по-особенному фальшиво. Тонкая фанерная дверь — это не врата Ада. Она не удержит даже соседа, решившего перепутать этажи, не говоря

уже о тварях из Бездны. Но я заставила себя поверить в этот звук. Это просто город. Просто плохая застройка девяностых.

Я сползла по косяку на пол, прямо на потертый ламинат, прижимая колени к груди. И тут маска испуганной смертной дала трещину.

Паника ударила под дых тяжелой, горячей кувалдой. Не человеческий страх перед маньяком в переулке — животный, первобытный ужас загнанного зверя. Воздух в легких превратился в битое стекло. Сердце, только что колотившееся от бега, пропустило три удара и рухнуло куда-то в желудок.

Совпадение.

Мысль билась в такт пульсирующей боли в висках. Просто чертово совпадение. Судьба подкинула мне идиота-смертного с комплексом героя. Ему повезло. Мне повезло. Статистическая погрешность.

Но запах ладана въелся в ноздри, смешиваясь с вонью преисподней. Он знал. «Запах сахара». Никто из людей так не говорит. Люди говорят «наркоманы» или «секта». Или «одержимость».

Внутри грудной клетки начало теплеть. Сначала едва заметно, словно включили маленькую лампочку. Затем тепло превратилось в зуд. В раскаленную иглу, медленно входящую между ребрами.

Нет. Только не сейчас.

Я до крови прикусила щеку изнутри, концентрируясь на резком металлическом вкусе. Боль физическая отрезвляет лучше мантры. Я закрыла глаза, приказывая мыслям заткнуться. Человеческая оболочка держалась на чистом упрямстве и моей воле, но сейчас она вибрировала, готовая лопнуть, как перетянутая струна.

Нужно было двигаться. Холод помогает держать форму. Я заставила себя подняться. Разуться. Повесить ключи. Скинуть грязную одежду прямо на пол ванной. Включить воду в душе на максимум температуры, пока зеркало не покроется толстым слоем пара, скрывая мое отражение. Горячая вода обжигала кожу, смывая запах улицы, гари и чужой святости.

Я вытерлась жестким полотенцем, натянула на голое тело самую плотную фланелевую пижаму, которая нашлась в ящике. Ткань царапнула раздраженную кожу. Я упала на неразобранную кровать лицом в подушку. Утром. Все вопросы будут утром. Сейчас нужно просто выключиться.

Пружины матраса жалобно скрипнули под весом тела. Голова коснулась прохладной наволочки.

Тук.

Звук был тихим. Почти неслышным. Капля конденсата сорвалась с потолка и упала на линолеум.

Ш-ш-шух.

Это за окном проехал грузовик, шурша мокрым асфальтом.

Мои мышцы, наконец-то переставшие быть стальными тросами, обмякли. Контроль ослаб. Ровно на долю секунды.

И тогда пришел свет.

Он не вспыхнул снаружи. Он родился прямо под веками. Ослепительно-голубой, цвета электрической дуги. Цвета гнева божьего. Тот самый спектр, который выжигает сетчатку демонам низших кругов.

Я помню треск собственных горящих сухожилий. Помню, как выгнулась дугой на залитом ихором камне бастиона, чувствуя, как связь рвется. Его благодать выходила из меня вместе с моими легкими, оставляя внутри вакуум.

Последнее, что я видела сквозь пелену пепла — его лицо. Абсолютно пустое, белое, идеальное лицо судьи. Никакой любви. Серафим Кассиэль собственной персоной. Он смотрел не на меня. Он смотрел на свои ладони, с которых капала моя сожженная дотла суть.

Свет схлопнулся так же резко, как и пришел.

Я резко села на кровати, хватая ртом воздух. Простыня подо мной была ледяной, но сама я горела. Сердце пыталось проломить грудную клетку. На кончиках пальцев таял черный иней, стекая темными каплями на одеяло.

Ад не принимает проигравших сразу. Мы застреваем в Чистилище. Мертвые лоскуты души, которые цепляются за гниющие остовы чужих грехов. Чтобы выбраться сюда, наверх, пришлось собирать себя буквально по частям. Я выцарапывала осколки своей памяти из глоток низших бесов. Я сшивала свой разум грубыми нитями человеческой злобы. Каждая слеза, которую я научилась проливать над грустными фильмами — это украденный кусок чужой скорби. Каждый мой спокойный сон куплен ценой чьей-то бессонницы. Я потратила пятнадцать лет на то, чтобы слепить из этого праха нечто функциональное. Лилиан. У нее есть работа, просроченные счета за коммуналку и аллергия на дешевый стиральный порошок. У нее нет крыльев, нет льда во чреве и нет прошлого, где ее предали ради спасения мироздания.

Тепло внутри сменилось ледяной судорогой. Я выдохнула сквозь стиснутые зубы. Пар изо рта не пошел — отопление в этой дыре работало слишком хорошо.

— Нет, — прошептала я пустой комнате. Голос прозвучал хрипло, совсем не по-человечески. Низкий, вибрирующий тембр просочился сквозь связки. — Я не позволю тебе снова уничтожить мою жизнь.

Упрямство вспыхнуло жарче адского пламени. Звериное, иррациональное желание выжить назло Небесам. Назло ему.

Я с трудом разогнула затекшие ноги. Поднялась, опираясь о стену. Пальцы оставляли на обоях черные следы инея — кожа все еще пыталась сбросить личину, реагируя на стресс.

Механические действия успокаивали. Разуться окончательно. Повесить ключи на крючок. Скинуть остатки одежды. Включить воду в душе... стоп. Душ я уже принимала.

Я стояла посреди комнаты, тяжело дыша, пытаясь вспомнить, какой сейчас год. Прошлое пахло серой и паленой плотью. Настоящее пахло сырой тканью старой пижамы и одиночеством.

Я добрела до кровати и рухнула поверх одеяла, даже не расправив его. Сон накатил мгновенно, тяжелым шерстяным одеялом, обещая благословенное забытье без сновидений.

Бесполезно.

1.2

Утро началось не с будильника.

Я проснулась от того, что подушка под щекой хрустнула. Не от накрахмаленной ткани — замерзли сами перья внутри. Дыхание вырывалось изо рта густым облачком пара, хотя батареи в студии работали на износ, заставляя старые чугунные гармошки жалобно потрескивать. На потолке над кроватью расползался причудливый узор черного инея, похожий на выжженное морозом кружево.

Личина снова дала сбой этой ночью. Это плохой знак.

Пришлось вставать и тратить остатки сил на маскировку. Щелчок пальцев — и черное ледяное кружево осыпается на пол мелкой стеклянной крошкой, которая тут же тает, оставляя лишь влажный след. Выдох на стекло окна — чтобы создать видимость обычного конденсата, а не толстой корки льда толщиной в дюйм.

К десяти утра я уже сидела в реставрационной мастерской при букинистическом магазине «Эпоха». Подвальное помещение без окон — идеальное место для той, кто ненавидит солнечный свет и предпочитает температуру около пятнадцати градусов.

Моя работа проста: я лечу мертвую бумагу. Старые фолианты поступают ко мне со сгнившим клеем, плесенью и прожженными страницами. Я прижимаю кончики пальцев к разлохмаченному краю листа. Кожа мгновенно становится бледной, почти прозрачной, по ней бегут синие прожилки вен. От моего прикосновения бумага покрывается тонкой пленкой изморози. Холод останавливает процесс гниения, убивает споры грибка и намертво скрепляет волокна целлюлозы. Для клиентов это называется «инновационный метод криоконсервации». Для меня — вторник.

— Лил, у тебя опять пальцы сине-черные, — бурчит старый Марвин, владелец лавки, протирая очки замшевой тряпицей. Он единственный человек, который видит мою человеческую версию близко, но списывает всё на «плохое кровообращение» и слишком усердную работу кондиционеров. — Выпей чаю. Горячего. С медом.

Я молча кивнула, пряча руки в широкие рукава вязаного кардигана.

Марвин скрылся за скрипучей дверью своей каморки, служившей одновременно кухней и складом старых газет. Я осталась одна в гулком зале подвала. Пахло пылью, старой кожей переплетов и серой — побочный эффект моей работы.

На столе передо мной лежал требник XIV века. Пергамент был изъеден влагой, застежки погнуты. Красивая, мертвая вещь. Идеальная метафора. Мои пальцы сами потянулись к инструментам. Щупы, скальпели, баночки с клеем животного происхождения. Механические движения успокаивали лучше транквилизаторов. Очистить край листа от плесени. Проверить влажность. Укрепить разлохматившийся край микалентной бумагой.

Раз-два-три. Дыхание синхронизировалось со скрипом бумаги. Забыть. Нужно просто забыть.

Выжечь память о тепле чужих рук теми же инструментами, которыми я склеиваю рассыпающиеся кодексы.

Демоны могут ждать. Ангелы могут охотиться. Пусть грызут друг другу глотки за пределами этой комнаты. Внутри этих стен есть только я, гниющий пергамент и клей. Никаких привязанностей. Никаких имен. Никакого Кассиэля.

Ярость вспыхнула с новой силой при мысли о его имени. Я с такой силой нажала на костяной шпатель, что хрупкий край страницы предательски треснул. Тонкий, как крыло бабочки, срез кожи сорвался с края лезвия.

— Черт! — выдохнула я, роняя инструмент.

Темная капля крови упала на пожелтевший лист. Она не впиталась сразу. Сначала зависла на поверхности багровой бусиной, а затем начала стремительно замерзать, превращаясь в идеальный черный кристалл.

Твою мать. Контроль таял быстрее мартовского снега.

Скрипнула дверь подсобки. В зал вышел Марвин. Он нес две тяжелые керамические кружки, от которых поднимался густой пар. Поставив одну передо мной, он аккуратно накрыл мое запястье своей сухой, теплой ладонью, прежде чем я успела спрятать руку под стол.

— Тише, девочка, — пробормотал он, даже не глядя на почерневший порез. Его глаза слезились то ли от старости, то ли от книжной пыли. — Опять хватанула? Дай сюда.

Он мягко, но настойчиво потянул мою кисть на себя. Я инстинктивно дернулась назад. Демоническая природа требует дистанции, когда тебе больно. Но Марвин держал крепко. Стариковские пальцы оказались удивительно сильными.

— Да не съем я твою конечность, перестань трястись, — проворчал он. — У тебя пульс скачет так, будто ты марафон бежала. Сто двадцать ударов. И температура тела... тридцать пять. Ты хоть спала сегодня?

Его голос звучал ровно, но в нем звенела сталь человека, привыкшего командовать операционной. Он достал из кармана рабочего халата небольшую жестяную коробку. Внутри оказалась не аптечка первой помощи, а набор ювелира: пинцет, шелковые нити и какое-то темное масло.

— Марвин, это просто царапина, — попыталась отстраниться я. Мой голос прозвучал глухо. — Оно само пройдет через секунду.

— Сама у тебя проходит только печень после дешевого виски, — отрезал старик. Он ловко поддел краешек содранной кожи пинцетом. — Замри. Если этот фолиант стоил клиенту больше пяти тысяч фунтов, я выставлю твой счет за моральный ущерб. Твоя кровь разъедает позолоту.

Я замерла, стиснув зубы. Тепло его пальцев проникало сквозь кожу, пытаясь растопить вечную мерзлоту моих суставов. Это было неприятно. Словно тебя пытаются разморозить изнутри, пока ты отчаянно цепляешься за лед.

Он нанес каплю масла на рану. Боль отступила мгновенно, сменившись легким жжением. Затем последовал быстрый, точный стежок шелковой нитью. Работа медбрата. Или портного, обшивающего королей.

— Готово, — Марвин завязал узелок и обрезал нить старинным серебряным ножом для писем. — Хотя шрам останется. Бледный. Как поцелуй призрака. Тебе пойдет.

Я медленно высвободила руку. Пореза действительно не было — только тонкая белая линия на коже. Кровь на пергаменте тоже исчезла, оставив лишь едва заметное серебристое пятно там, где она промерзла до кости камня.

— Спасибо, — выдавила я, отворачиваясь к окну во внутренний двор-колодец. Там падал серый городской снег. — За чай. И за...

— Брось, — он тяжело опустился на табурет напротив. Кружка в его руках казалась игрушечной. — Я вижу, когда ты начинаешь крошиться, Лил. Обычно это занимает недели три спокойной жизни. А сейчас прошло меньше суток с тех пор, как ты притащила запах горелых шин в мой магазин. Что ему нужно?

Вопрос повис в воздухе. Запах ладана. Каспер. Страх ледяными когтями впился в горло. Марвин знал обо мне достаточно, чтобы понимать: люди с запахом церкви никогда не приходят просто так. Они всегда приходят либо хоронить, либо сжигать.

— Ничего, — соврала я, делая большой глоток чая. Мед оказался кстати — горло саднило от утреннего холода. — Просто случайность. Псих с комплексом героя.

— Случайности не оставляют визитки судебно-медицинской экспертизы на рабочем столе, — Марвин кивнул куда-то в сторону стойки регистрации. — И совпадение ли это что полиция перекрывает доки. Утром передавали сводку: три трупа за ночь. Все обгорели изнутри так, будто их сожрал термит.

Мир сузился до размеров тяжелой латунной пресс-папье, которое теперь лежало рядом с моим требником. Визитка. Дорогая, плотная бумага. Имя: Каспер. Должность: пустота. Только логотип бюро внизу.

Он не просто нашел меня вчера. Он пришел сюда. Оставил метку. Показал Марвину свою юрисдикцию.

Старик внимательно смотрел на меня поверх очков. Он видел слишком много трупов в своей прошлой жизни, чтобы пропустить посмертную бледность живого человека.

— Лилиан, — тихо сказал он. — Если этот парень из полиции, почему от него пахнет ладаном, а дело передали тебе, а не в отдел антиквариата? И почему у тебя зрачки сейчас вертикальные? Ты боишься его или хочешь убить?

Я резко вскинула голову. Паника ударила в лицо жаром. Моя личина трещала по швам от смеси страха и злости. Кончики пальцев снова начали белеть.

— Следи за пульсом, Марвин, — процедила я, поднимаясь со стула. Спинка кресла позади меня покрылась толстой коркой инея. — Иначе придется лечить тебе инфаркт. Бесплатно, конечно же. Из любви к искусству.

Я схватила свой картонный стаканчик с остывшим кофе, который принесла с собой, развернулась и быстрым шагом направилась вглубь стеллажей, в самое безопасное место подвала — секцию неразобранных архивов. Где пахло только мертвой кожей и пылью.

1.3

Я влетела в секцию неразобранных архивов, плечом задев стопку старых газетных подшивок. Бумажная башня опасно накренилась и с шелестом осыпалась на бетонный пол. Мне было плевать. Звук рвущегося картона звучал приятнее, чем биение моего собственного сердца.

Запах старой бумаги, сухой пыли и типографской краски должен был успокаивать. Это была моя территория. Мои охотничьи угодья, где я могла дышать полной грудью, не боясь расплавить лицо случайному прохожему своей улыбкой. Но сегодня подвальная сырость казалась удушающей.

Визитка лежала во внутреннем кармане кардигана тяжелым куском свинца. Я чувствовала ее тепло сквозь ткань. Каспер. Он знал мой адрес работы. Оставить пресс-папье — это не жест вежливости. Это заявление о владении территорией. «Она теперь под моим присмотром».

Меня затрясло. Не от холода — от чистого, незамутненного бешенства. Демоны моего ранга привыкли к тому, что угроза всегда персонифицирована и громка. Тихое исчезновение врага означает лишь одно: он меняет тактику. Или готовит капкан таких размеров, что моя боевая память начинает скулить.

— Смертный, — процедила я сквозь стиснутые зубы, пиная ни в чем не повинный деревянный ящик с инструментами. Дерево жалобно хрустнуло. — Псих. Маньяк. Идиот.

Ярость требовала выхода. Личина трещала по швам: кончики пальцев покрылись черной изморозью, а дыхание вырывалось изо рта густым паром. Если я сейчас сорву маску перед Марвином, старик получит инфаркт.

Нужно занять руки. Механические действия успокаивали лучше транквилизаторов.

Я вернулась к своему столу, схватила первую попавшуюся папку без маркировки. Переплет оказался дешевым, послевоенным картоном. Внутри — пожелтевшие листы личного дневника какого-то мелкого чиновника за 1947 год. Идеально. Скучно. Бездушно.

Руки действовали сами. Расправить лист. Очистить поле от спор грибка кисточкой. Нанести тонкий слой консервационного клея.

«Ты температуру тела вообще регулируешь? Или твои сосульки под перчатками — это просто плохая циркуляция крови от недосыпа?».

Голос Каса прозвучал в голове так четко, словно он стоял за моей спиной. Я дернулась, едва не опрокинув банку с клеем. Какого черта он делает в моих мыслях?

Я со злостью воткнула костяной шпатель в размягченный переплет. Картон принял лезвие с влажным чавканьем.

Скрипнула дверь архива. Тяжелые шаги Марвина. Он остановился на пороге, не решаясь зайти внутрь завалов. В руках он держал свежую кружку чая. От нее поднимался густой запах бергамота и меда.

— Сахарную пудру сверху добавить? — хмуро спросил он. — Для успокоения нервов. А то ты взглядом дырявишь стол эффективнее дрели.

Я медленно выдохнула, втягивая лед обратно под кожу. Пар изо рта исчез. Пальцы снова стали просто бледными, человеческими. Оборачиваться я не стала.

— Катись к черту со своим сахаром, — буркнула я, не отрываясь от листа. Буквы плясали перед глазами. — У меня дедлайн. Коллекционер ждет свой молитвенник к пятнице.

— Коллекционер подождет, пока у тебя зрачки перестанут напоминать острие иглы, — Марвин подошел ближе. Он не пытался обнять или положить руку на плечо — мы давно прошли этот этап отношений лет десять назад. Теперь он просто создавал физический барьер между мной и дверью. — Что происходит, Лил? Этот парень... он не полицейский. Люди с запахом церковного ладана обычно работают либо в похоронном бюро, либо в инквизиции.

Удар пришелся точно в цель. Инквизиция. Чистилище. Белые стены и голос, отдающий приказы.

— Это судмедэксперт, — глухо ответила я, переворачивая страницу дневника с такой силой, что ветхий пергамент треснул. — Контакты с враждебными сущностями первой категории.

Марвин замер. Запах горячего чая стал единственным звуком в пыльной тишине архива.

— Ты его знаешь, — произнес он тихо. Это не было вопросом. Старый книгочей видел меня насквозь. — Не здесь. Раньше.

— Заткнись, — прошипела я. Мой голос опасно вибрировал, приобретая тот самый низкий тембр Древних, от которого трескается стекло. — Просто. Заткнись.

Я вскочила, оттолкнув табурет. Металлическая ножка со звоном врезалась в стеллаж. Стопка фолиантов посыпалась вниз. Я металась по тесному проходу между полками, как зверь в клетке. Десять шагов до двери. Разворот. Десять шагов до кирпичной кладки.

— Он знает, кто я, Марвин! — выплюнула я, останавливаясь посреди комнаты. Воздух вокруг меня начал ощутимо холодеть, покрывая корешок ближайшей книги тонкой пленкой льда. — Он подкараулил меня вчера в проулке, чтобы спасти. Сегодня утром оставил визитку у тебя на столе, чтобы показать, что может войти в любой момент.

«Твои руки всё еще синие. Если продолжишь так сжимать кулаки, порежешь ладони собственными когтями», — прозвучал в голове бархатный, обманчиво спокойный голос Каспера.

Я резко дернулась, едва не опрокинув банку с клеем. Откуда? Как? Мы никогда не обсуждали мои когти. Даже Марвин их списывал на экзему.

Это была моя собственная память. Мозг прокрутил вчерашний вечер в такси. То, как он мягко разжал мой побелевший от холода кулак своими теплыми пальцами, прежде чем вложить туда номер телефона. Он запомнил напряжение моих мышц тогда и теперь транслировал эту заботу прямо мне в висок, словно стоял за спиной.

Сволочь. Наблюдательная сволочь.

Я горько рассмеялась. Смех получился ломким, похожим на звук бьющегося фарфора.

Марвин молчал. Он поставил кружку на ближайший ящик, подальше от греха, и сложил руки на груди. Его взгляд был тяжелым, сочувствующим.

— Девочка, — наконец произнес он. — Когда хищник приносит тебе еду и гладит против шерсти — это редко заканчивается поцелуями. Обычно это значит, что он примеряет твою шкуру к коврику у камина.

Слова ударили под дых. Примеряет шкуру. Именно так. Кассиэль никогда ничего не делал просто так. Каждое движение было рассчитано. Вздох, наклон головы, вкус шоколада на языке — всё это части пазла, который он собирал в темноте.

— Ему не нужна моя шкура, — процедила я, пытаясь вернуть лицу привычное выражение усталого презрения к мирозданию. — Решил завести себе ручного демона, чтобы было кому жаловаться на бумажную волокиту Совета.

— Тогда почему у тебя руки трясутся не от страха, а от желания свернуть ему шею? — прищурился Марвин. — Насколько я помню анатомию, когда хотят убить — пульс ровный. А когда...

Он не закончил. Да и не нужно было. Мы оба знали, что такое адреналин охотника. И что такое дрожь предвкушения жертвы, которая вдруг поняла правила игры.

Я резко отвернулась, пряча горящее лицо. Подошла к окну под потолком, выходящему на уровень тротуара. Там сновали ноги прохожих, зонты, грязь.

— Он сказал, что свяжется днем, — бросила я через плечо, стараясь, чтобы голос звучал язвительно, а не беспомощно. — Видимо, решил дать мне время погоревать по моему рабочему столу. Я ему этот счет выставлю. По ставке инквизиции за порчу имущества.

За спиной раздался тяжелый вздох Марвина. Звякнула ложка о керамику — он все-таки забрал свой чай.

1.4

За спиной раздался тяжелый вздох Марвина. Звякнула ложка о керамику — он все-таки забрал свой чай.

— Выставляй, — глухо согласился старик. — Только чек выписывай на имя Бюро, а то бухгалтерия архангелов принимает только души и векселя с кровью первенцев. С тебя станется.

Я невольно фыркнула. Смех вышел сухим, царапающим горло. Напряжение чуть спало, но лед под кожей никуда не делся. Он просто залег глубже, ожидая следующего толчка.

— Мне нужен воздух, — процедила я, не оборачиваясь. — Если я останусь здесь еще на час, склею страницы этого дневника собственной желчью. Коллекционер получит молитвенник вместе с проклятием вечной изжоги.

— Вытяжка над третьей секцией работает, — ровно ответил Марвин. Это была наша старая игра: он предлагал техническое решение моей метафизической проблемы.

Я схватила со стула свое пальто — тяжелое, шерстяное, пропахшее сыростью подвала. Рывком натянула его на плечи, едва попадая в рукава. Пальцы всё еще мелко дрожали, выдавая остаточную вибрацию гнева.

— Лил, — окликнул меня Марвин, когда я уже взялась за ручку двери. Голос был лишен всякой театральности. Просто уставший голос старого человека. — Будь осторожна. Люди вроде него... они не нарушают протокол ради скуки. У них всегда есть план "Б". Обычно он включает кремацию свидетелей.

Я замерла. Спиной я чувствовала его взгляд — тяжелый, сканирующий. Он видел слишком много мертвецов, чтобы спутать профессиональное любопытство судмедэксперта с подготовкой к сожжению еретика.

— Не дрейфь, старый книжный червь, — огрызнулась я, заставляя губы растянуться в хищном оскале. — Если он решит нарушить Эдикт о Невмешательстве, я устрою ему такую температурную аномалию, что его святая вода превратится в айсберг прямо во рту. Закрой дверь с той стороны. И повесь табличку «Закрыто». Пока я гуляю, живых людей мы не обслуживаем.

Щелкнул замок. Щелчок прозвучал как постановка печати. Отрезанная от прошлого.

Улица ударила по лицу мокрым ноябрьским ветром и запахом выхлопных газов. После стерильной пыли архива городской смог казался свежим бризом. Я глубоко вдохнула, пытаясь остудить горящие легкие.

Ноги сами понесли меня прочь от антикварной лавки, в сторону шумного проспекта. Маршрут до кофейни был выучен годами — три минуты быстрым шагом мимо закрытой булочной, поворот у аптеки. Механический путь куклы. Нужно было занять тело, пока мозг не перегрелся от попыток вычислить алгоритм Каспера.

«Твои руки всё еще синие...»

Проклятый голос снова вклинился в мысли. Я стиснула зубы так, что свело челюсть. Это не эмпатия. Это диагностика. Патологоанатомы смотрят на трупы именно так — отстраненно фиксируя признаки смерти. Вот только Кас смотрел на меня, и это бесило гораздо сильнее, чем если бы он пытался меня испепелить.

Впереди замаячила знакомая вывеска маленькой кофейни, втиснутой между нотариальной конторой и цветочным магазином. Там всегда пахло выпечкой и мокрым деревом. Мое убежище. Место, где бариста знает мой заказ лучше, чем дату собственного рождения.

Звякнул колокольчик над дверью. В помещении было душно, людно и шумно — настоящий человеческий улей. Очередь тянулась от стойки до самого выхода. Студенты с ноутбуками, курьеры в промокших дождевиках, женщины с колясками. Воздух дрожал от их тепла, разговоров и излучения их телефонов. Мне захотелось развернуться и уйти, раствориться в дожде, но спазм голода стал почти болезненным. Телу нужен уголь для поддержания иллюзии огня.

Когда подошла моя очередь, бариста — веснушчатый парень с уставшими глазами — мазнул по мне равнодушным взглядом.

— Что будете?

— Эспрессо. Двойной. Без сахара, — мой голос прозвучал ровно, но стаканчик, который он поставил на стойку, покрылся по краям тонкой ледяной кромкой.

Парень нахмурился, глядя на белый налет на картоне, тряхнул кистью, словно обжегся, и быстро толкнул напиток мне.

Схватив картонный стаканчик — он приятно грел подушечки пальцев сквозь тонкую перчатку, — я выскользнула из шумной кофейни обратно в город. Проскочила мимо витрины с уцененными книгами, свернула в узкий карман между кирпичной стеной старого склада и глухим забором. Здесь пахло сырой штукатуркой и прелыми листьями. Идеальное место, чтобы выпить эспрессо в одиночестве.

Я прислонилась плечом к холодному кирпичу, запрокинула голову и сделала первый глоток.

Горько. Обжигающе горячо. Именно так, как нужно. Тепло жидким золотом провалилось в пищевод, растекаясь по грудной клетке. Это было почти больно, но это была правильная боль. Жизнь. Моя человеческая личина жадно впитывала жар, стабилизируя пульс. Мне действительно нравится кофе. Не сам ритуал выживания, а именно вкус. Терпкость, обугленные ноты арабики, то, как жар проникает в самую суть, пытаясь согреть вечную мерзлоту внутри. Прямо как раньше. До войны. До того, как его свет выжег мне глаза.

Главное не думать о том, чье лицо всплывает при слове «раньше».

Я цедила напиток мелкими глотками, стоя посреди проулка и глядя на дым над кружкой. В сыром воздухе он поднимался идеально ровным столбиком, прежде чем раствориться в сером небе. Редкая минута абсолютного покоя. Никто не смотрит, никто не ждет от меня ни демонического оскала, ни человеческой вежливости. Просто женщина в пальто пьет свой обеденный кофе.

— Опять ты.

Голос ударил по нервам быстрее, чем лезвие ножа. Он прозвучал прямо за моей спиной, хотя секунду назад там был только старый мусорный бак и тишина.

Я вздрогнула всем телом. Горячий картон дернулся в руке. Густая, темная жидкость выплеснулась мне на тыльную сторону ладони, мгновенно пропитывая тонкую шерсть перчатки.

Твою мать.

Это неприятно. Это физически отвратительно. Я люблю тепло, когда оно контролируемое, текучее, ласковое. А ожоги — это агония для существа, чья кожа привыкла к температуре жидкого азота. Я зашипела сквозь зубы, тряхнув рукой и стягивая мокрую перчатку. На коже уже наливалось красное пятно.

— Дьявол тебя побери, Каспер! — рыкнула я, резко разворачиваясь.

Он стоял слишком близко. Слишком реальный для тени. От него все еще пахло ладаном, но теперь к этому примешивался запах дорогого одеколона и свежей типографской краски — видимо, только что выбрался из своего логова. Темные глаза смотрели на меня без вчерашней

профессиональной отстраненности. Сейчас в них плескалась какая-то мрачная, собственническая насмешка.

— Напугал? — он даже не попытался сделать шаг назад, загораживая собой выход из тупика. Его плечо коснулось моего. — Прости. Забыл постучать по асфальту. Старая полицейская привычка — входить бесшумно.

— Ты забыл базовые правила вежливости нормальных людей, — огрызнулась я, прижимая обожженную руку к груди. Кофе остывал, оставляя липкое коричневое пятно на бежевом пальто. — У живых есть такая социальная норма — не возникать из воздуха за спиной у девушки с горячим напитком.

Каспер опустил взгляд на мою руку, затем на заляпанное пальто. Уголок его губ дрогнул в усмешке.

— Всего лишь хотел убедиться, что мой свидетель жив, здоров и тратит зарплату на приличный кофе, а не на дешевый уличный суррогат, — он кивнул на мой стаканчик. — Хотя выбор места для дегустации оставляет желать лучшего.

Мое терпение, которое и так держалось на честном слове после пережитого, лопнуло. Страх сменился ядовитой, колючей злостью. Если он хочет играть в заботливого копа — пусть играет. Но издеваться надо мной он не будет.

— О, поверь, до полуночи я обязательно уйду отсюда, — я демонстративно подняла запястье, на котором не было часов, и посмотрела на воображаемый циферблат. — У меня строгий комендантский час для прогулок по злачным местам. Иначе придет злой волчок и заберет меня в свое бюро. Что тебе нужно? Пришел выписать штраф за неправильную траекторию движения?

Его улыбка стала шире, обнажая кончики зубов.

— Проблемы притягиваются к тебе, Лилиан. Сначала адские гончие, теперь риск термических ожогов третьей степени в проулке между складом мусора и гаражами. Тебе стоит пересмотреть свои маршруты.

1.5

Я отступила к стене, упершись лопатками в холодный кирпич. Тепло от него уже начало плавить ледяные чешуйки под моей кожей. Паника снова царапнула горло ледяными когтями. Это ловушка? Проверка реакции?

— Слушай, детектив, как тебя там, — я постаралась вернуть голосу привычную язвительность, чтобы скрыть дрожь. — Я ценю твою одержимость, но давай обойдемся без светских бесед. Ты спас мне жизнь, спасибо, чек пришлешь по почте. У меня обед заканчивается.

— Каспер, — спокойно поправил он, игнорируя мой выпад. Он сделал полшага вперед, сокращая дистанцию до неприличной. Теперь я чувствовала тепло его тела сквозь тонкую ткань своего пальто. — Разве у свидетеля нападения низших демонов нет вопросов к тому, кто их уничтожает? Например: почему они напали именно на тебя?

Сердце пропустило удар. Мои пальцы непроизвольно сжались в кулаки, ногти впились в ладони. Холод начал сочиться из пор, оседая на сером кирпиче тонким черным налетом.

— Понятия не имею, о чем ты, — процедила я. — Я все еще не очень понимаю, что видела, и понимать не хочу. Там была вспышка, я споткнулась, упала в обморок от страха.

— Ты очень много язвишь для той, кто падает в обмороки, Лилиан, — его взгляд стал острым, сканирующим. — Так что насчет кофе? Обсудим теорию ритуальных убийств. Заодно расскажешь мне, зачем тебе понадобилось гулять по ночам через доки.

— Ты сектант? — переспросила я, делая еще один крошечный шаг вбок, вдоль стены. Искать путь к отступлению. — Это те ребята, которые режут кошек на кладбищах? Прости, мое хобби — склеивать бумагу, а не потрошить бродяг. Мне не о чем с тобой говорить.

— Черта с два, — он вдруг перестал улыбаться. Маска обаятельного парня слетела, обнажив сталь. — Они шли за тобой целенаправленно. И пока мы не выясним, какой именно крючок ты забыла в этой воде, ты находишься под моим наблюдением. Хочешь ты того или нет. Это в твоих же интересах.

Его настойчивость пугала больше, чем ножи архангелов. Обычные люди так себя не ведут. Этот — идет напролом, загоняя меня в угол.

— Нет, — отрезала я, резко оттолкнувшись от стены. На кирпиче остался влажный след и несколько тающих льдинок. — Моя работа ждет. А твои интересы, кем бы ты ни был — врачом, маньяком или федеральным агентом под прикрытием — меня не касаются.

Я обошла его по широкой дуге, стараясь не касаться даже полы его плаща. Воздух вокруг него был густым и тяжелым, сопротивляясь моему движению.

— До встречи, Лилиан, — бросил он мне в спину. Его голос снова звучал расслабленно, но я спиной чувствовала вес этого взгляда. — Будь осторожна во второй половине дня.

Я не обернулась. Прибавила шаг, вылетела из проулка на шумную улицу и смешалась с толпой клерков, вышедших на обед. Только завернув за угол аптеки, я позволила себе выдохнуть.

Пальцы левой руки были покрыты толстой коркой черного льда. Пришлось спрятать их глубоко в карман, чтобы прохожие не шарахались. Он угрожает мне? Предупреждает? Или просто развлекается?

Стрелки на старых настенных часах в мастерской замерли на одиннадцати сорока пяти. Я смахнула последние обрезки пергамента со стола, щелкнула рубильником вытяжки и погрузила подвал во тьму. Запах старой бумаги, клея и моего собственного морозного дыхания заполнил легкие.

Смена окончена. Город за дверью снова принадлежал мне — ночной, сырой, равнодушный.

Я толкнула тяжелую железную дверь служебного выхода. Улица встретила меня мелкой моросью. До моей квартиры на другом конце города было два пути. Первый — длинный, петляющий по широкому, залитому желтым светом проспекту. Там ходят парочки, шумят вечно открытые бары, гудят редкие такси. Безопасно. Скучно. От одной мысли о том, что придется идти мимо витрин, среди людей, внутри заворочался неприятный зуд. Словно муравьи под кожей. Слишком много тепла. Слишком много чужих сердцебиений.

К черту.

Я свернула в противоположную сторону. Узкая щель между антикварной лавкой и глухой стеной типографии втянула меня в себя. Здесь пахло свинцовой пылью, краской и мокрым бетоном. Идеально. Прохладная тень обняла плечи, успокаивая натянутые нервы. Подошвы ботинок привычно находили выбоины в асфальте. Это моя территория. Мои охотничьи угодья, где я могу дышать полной грудью, не боясь расплавить лицо случайному прохожему своей улыбкой.

Впереди замаячил знакомый силуэт мусорных баков заднего двора типографии.

И там кто-то стоял. Прислонившись плечом к кирпичной кладке, скрытый в густой тени навеса.

Тело сработало быстрее разума. Инстинкты демона взвыли. Я метнулась назад, вжимаясь лопатками в холодный металл двери запасного хода, рука сама потянулась к карману, где лежали отмычки, которые можно превратить в ледяные стилеты.

Но фигура шагнула под единственный тусклый фонарь.

Бежевый тренч. Усталые глаза. Запах ладана.

— Твою мать, Каспер! — выдохнула я, чувствуя, как сердце проваливается куда-то в район желудка, а затем начинает колотиться о ребра с бешеной скоростью. — Ты что здесь делаешь? Решил устроить засаду на тараканов?

Он медленно оттолкнулся от стены. Ухмылка скользнула по его губам — широкая, самодовольная, совершенно неуместная для человека, который караулил меня в грязном проулке.

— А ты прямо-таки их приманиваешь, Лилиан. Или у тебя на лбу невидимая татуировка «Легкая добыча» светится в ультрафиолете? Вчера, сегодня. Ты целенаправленно ищешь неприятности или это просто хобби такое?

Страх мгновенно испарился, оставив после себя чистую, звенящую злость. Он снова загоняет меня в угол. Опять этот снисходительный тон старшего брата.

— Мое единственное хобби — быть живой, детектив, — прошипела я, делая шаг вперед, чтобы обойти его. — И оно пока неплохо окупается.

Каспер даже не сдвинулся с места, перекрывая мне проход своим телом. Широким, плотным, слишком реальным. Он пах дождем и чем-то терпким, похожим на полынь.

— Не так быстро. Рабочий день закончился, свидетельница. Я обязан проводить тебя до дома.

Я истерически рассмеялась. Смех эхом отразился от пустых стен, прозвучав немного безумно даже для моих собственных ушей.

— Обязан? Очередной протокол вашего Департамента? Прости, но в моем контракте пользователя городской канализации пункт «эскорт-услуги» не прописан.

— Департамент тут ни при чем, — он качнул головой. Его взгляд стал серьезным, изучающим. — После того как мой спасательный рейд чуть не стоил тебе ожога второй степени сегодня днем, я чувствую ответственность.

Днем. Он следил за мной весь день. И теперь еще подкараулил ночью.

— Какого черта тебе нужно? — мой голос упал до шепота.

— Просто убедиться, что жертва сегодняшней ночи — это не ты, — ровно ответил он. — Такси вызвать? Мой счет все еще открыт.

— Вот еще, — фыркнула я, гордо вскинув подбородок. Капюшон пальто соскользнул на спину, открывая темные волосы. — Я люблю ночные прогулки. Дождь, крысы, запах асфальта — отличная ароматерапия. Я не собираюсь менять свои привычки из-за мимолетной прихоти какого-то психа с манией величия.

Каспер выслушал мою тираду с абсолютно невозмутимым видом. Когда я закончила, он лишь едва заметно пожал плечами, отчего ворот его плаща слегка съехал набок. Жест был настолько обыденным, человеческим и расслабленным, что выбил почву из-под ног.

— Ну что же, — протянул он, засовывая руки глубоко в карманы брюк. — Если дама любит ночные прогулки и отказывается от транспорта... Тогда я, как истинный рыцарь, обязан сопровождать её пешком. Чтобы дракон не сожрал принцессу по дороге через темный лес. Путь неблизкий, говоришь?

Последняя фраза была вопросом. Весь его расчет строился на том, что я буду вынуждена провести с ним следующие минуты в тесном лабиринте переулков.

Но показывать ему свою панику нельзя. Паника — это трещина в льду. А лед должен быть монолитным.

— Лес становится все темнее с каждым кварталом, — процедила я, стараясь, чтобы голос звучал язвительно, а не испуганно. — Смотри, рыцарь, как бы дракон не сожрал тебя самого.

Я резко развернулась на каблуках и пошла прочь, глядя строго перед собой. Шаги Каспера послышались сзади спустя секунду. Тихие, размеренные, идеально попадающие в ритм моих. Тяжелая, неотвратимая поступь судьбы.

Я шла сквозь ночь, чувствуя затылком жар его присутствия, и ненавидела себя за то, что часть этого жара хотела впустить внутрь.

Глава 2

Мы свернули в лабиринт старых складских переулков. Под ногами чавкала мокрая грязь, смешанная с гравием. Я шла быстро, почти чеканя шаг, стараясь держать дистанцию в добрых три метра между нами. Позволять ему идти за спиной было самоубийством — инстинкты требовали либо атаковать, либо бежать, а мое человеческое тело не выдержало бы ни того, ни другого на такой скорости.

Каспер же двигался совершенно бесшумно для человека его комплекции. Он даже не запыхался, хотя я специально ускорила темп у поворота к заброшенной ветке метро. Его плащ лишь тихо шелестел при ходьбе.

Первую четверть мили мы провели в абсолютной тишине, нарушаемой только гулом ветра в проводах и звуком моих собственных шагов. Это молчание давило на барабанные перепонки сильнее возможного допроса. Он просто дышал мне в затылок своим проклятым ладаном.

— Итак, — наконец нарушил он эту пытку. Голос звучал расслабленно, словно мы прогуливались по набережной в солнечный полдень. — Реставратор. Звучит... пыльно. И прибыльно?

Я стиснула зубы так, что свело челюсть. Только не оборачиваться. Не смотреть на него.

— Достаточно, чтобы оплачивать аренду и не питаться бродячими кошками, — огрызнулась я, перешагивая через глубокую лужу. — Ты теперь будешь моим аудиогидом? «Слева вы видите живописную гору мусора восьмидесятых годов».

Он тихо хмыкнул позади. Звук был похож на довольное мурлыканье огромного кота.

— Кошки — это полезная белковая диета. Но ты уходишь от ответа. Работаешь одна? Или есть напарник, который ждет тебя дома с разогретым ужином? Может, муж?

Мое плечо случайно задело выступающую арматуру из стены. Ледяной холод тут же пополз по рукаву, покрывая ткань тонкой коркой инея. Смертный ничего не заметил в темноте, но я почувствовала знакомое покалывание неконтролируемой магии.

Спокойствие.

— Мужья требуют внимания, Каспер. А внимание — это уязвимость, — бросила я через плечо, надеясь, что мой голос звучит ровно. — У меня аллергия на привязанности. И на идиотов, которые задают вопросы о моей личной жизни.

— Значит, парня тоже нет, — констатировал он с удовлетворением врача, поставившего верный диагноз. — Что ж, логично. Трудно найти время на свидания, когда каждую ночь отбиваешься от исчадий ада в подворотнях. График убийственный. В прямом смысле слова.

Его логика была безупречной, пугающе человеческой и оттого еще более жуткой. Он выстраивал профиль. Психологический портрет демоницы, которая пытается быть обычной девушкой. Если он продолжит копать в этом направлении, то рано или поздно поймет, почему у меня нет фотографий родителей, школьных аттестатов и профиля в социальных сетях.

— Послушай, детектив, — я резко остановилась посреди проулка и развернулась к нему. Пришло время сменить тактику. Играть в молчанку бесполезно, значит, нужно включить режим максимальной токсичности. — Какого дьявола тебе от меня надо? Ты спас меня вчера. Прекрасно. Геройствуй где-нибудь в другом районе. Моя личная жизнь, моя работа и мои маршруты передвижения тебя не касаются. Ты следишь за мной уже двенадцать часов. Это статья. Сталкинг называется.

Я ожидала чего угодно: раздражения, профессиональной маски федерала, холодного предупреждения.

Но Каспер улыбнулся.

В тусклом свете единственного работающего фонаря его лицо преобразилось. Уголки губ поднялись медленно, обнажая ровные белые зубы. Это была не вежливая ухмылка. Это было чистое, незамутненное блаженство. Так кот смотрит на канарейку, которая бьется внутри стеклянного колпака.

— Люблю, когда девушка показывает зубки, — мягко произнес он, делая шаг ко мне. Теперь нас разделяло меньше метра. Мне пришлось задрать голову, чтобы смотреть ему в глаза. — Знаешь, большинство людей после встречи с тем, что пряталось там, месяц ходили бы к психотерапевту и писались бы от звука собственного холодильника. А ты стоишь здесь и пытаешься отгрызть мне голову словами. Восхитительно.

Он протянул руку и аккуратно снял с моего плеча невидимую пылинку. Размял её пальцами. Стряхнул.

— Семьи нет, мужа нет, друзей, судя по всему, тоже, раз никто не подвез тебя до дома, — продолжил он как ни в чем не бывало, опуская руку. — Остаюсь я. Самый настойчивый сталкер в твоем списке контактов. Можешь считать это платой за спасение.

— Спасенная сейчас утопит тебя прямо в этой луже, — прорычала я, чувствуя, как начинает дрожать воздух вокруг от падения температуры. Черный лед начал проступать на асфальте у наших ног, расползаясь тонкими паутинками.

Кас посмотрел вниз, затем снова на меня. Его зрачки расширились, поглощая почти всю радужку, но в них плясали озорные искры.

— Осторожнее, принцесса. Твоя карета из тыквы рискует покрыться льдом окончательно. Пошли. Нам еще долго идти, а твои шпильки ужасно скользят на замерзшей грязи.

Он отступил на шаг, галантным жестом указывая вперед, в темноту переулка. Самодовольный, невыносимый, сияющий изнутри ублюдок.

Мне хотелось заморозить его язык прямо во рту. Вместо этого я резко отвернулась, запахнула пальто плотнее и пошла дальше, игнорируя его присутствие. Но каждый мой нерв звенел от осознания: он играет со мной. Он получает физическое удовольствие от того, как я извиваюсь под его взглядом.

Мы шли, не чувствуя под ногами асфальта. Кровь стучала в висках так громко, что я боялась, он услышит этот ритм — рваный, нечеловеческий, похожий на перестук погребальных барабанов.

Он заметил.

Эта мысль билась в голове пойманной птицей. Не просто скользнул взглядом, а увидел. Он знает текстуру моей сути. Черный иней Бездны невозможно спутать с обычным городским морозом или дешевым фокусом уличного мага.

2.1

Ярость плеснула желчью в горло. Какая же идиотка. Я позволила ему вывести меня из себя своими бархатными интонациями и издевательскими вопросами о «мужьях». Потеряла концентрацию. Демоны старой крови не покрываются коркой льда от простого раздражения, как сопливые подростки-полукровки. Мы контролируем это веками. А сейчас моя человеческая оболочка трещит по швам прямо посреди улицы, оставляя за нами ледяной след, словно мы идем по поверхности замерзшего озера.

Я бросила быстрый взгляд на его профиль. Идущий чуть позади и сбоку, засунув руки глубоко в карманы тренча. Тень от козырька кепки скрывала верхнюю часть лица, но ухмылка… эта самодовольная, ленивая ухмылка никуда не делась.

Инквизитор. Вероятно, ритуалист. Тот, кто понимает язык символов. Если он видит во мне демона, если чует мою природу сквозь эту хрупкую кожу, то вся его настойчивость при-

обретает совершенно иной, тошнотворный оттенок. Это уже не полицейский протокол. Это охота. Или хуже — коллекционирование.

Мои пальцы сами собой сложились в жест активации. Одно резкое движение кистью, совмещенное с резким выдохом — и воздух вокруг него кристаллизуется. Заморозить трахею изнутри. Быстро, тихо. Его тело превратится в идеальную статую, которую утром найдут дворники. Никто не будет искать судмедэксперта среди ледяных осколков. Идеальный план.

— Расслабься, Лилиан, — его голос прозвучал внезапно, прямо над моим ухом. Я вздрогнула всем телом, едва не поскользнувшись на собственной ледяной крошке. Он сократил дистанцию, пока я витала в мыслях об убийстве. — Моя квота по отлову бесов и прочих паразитов на этот квартал закрыта еще со вчера. Департамент строг к отчетности. Да и ты вроде ничего противозаконного не делаешь. Верно же?

Мир остановился.

Звук капающей с крыши воды стал оглушительным. Запах ладана ударил в нос, вышибая дух.

Его слова должны были звучать как угроза. Но тон... Тон был игривым. Шутливым. Он только что прочитал мое намерение убить его — оно висело в воздухе густой, смертоносной пеленой — и ответил на это шуткой про бюрократию.

Я замерла посреди пустой дороги. Резко развернулась к нему.

Каспер тоже остановился. Теперь нас разделяло расстояние вытянутой руки. Он наконец-то сдвинул кепку выше, открывая лицо полностью. В темноте его глаза казались почти черными, бездонными, но в самой их глубине плясали золотые искры благодати. Опасные. Совершенно сумасшедшие.

Он знал.

Знал всё. Про мои мысли о том, как перерезать ему глотку. Про то, что никакой я не свидетель, а самая настоящая тварь из Бездны. И он стоял здесь, улыбаясь, потому что для него это была всего лишь прелюдия.

Мой разум отказывался складывать пазл. Инквизитор флиртует с демоном?

Из горла вырвался низкий, вибрирующий рык. Горло свело спазмом трансформации — края губ зачесались, готовясь выпустить клыки. Я подавила это чудовищным усилием воли, впившись ногтями в ладони до боли. Боль отрезвляет. Человечность требует жертв.

— Ты псих, — выплюнула я. Голос сорвался на хрип. — Абсолютный, клинический безумец.

Не дожидаясь ответа, я резко отвернулась и пошла вперед, увеличивая шаг. Мне нужно было выйти отсюда. Нужен свет фонарей, нужны камеры наблюдения, нужны люди. Толпа смертных обычно неплохо отпугивает психопатов.

Пока мы шли сюда, присутствие Каса ощущалось как тяжелый шерстяной плед — давящее, теплое, раздражающее своей навязчивостью. Сейчас же оно изменилось. Шерсть сменилась сталью.

Воздух за моей спиной похолодел на несколько градусов. Смех исчез. Теперь там шел хищник. Огромный зверь, который сбросил маску забавного парня и теперь просто загонял добычу туда, куда ему нужно.

Оставшуюся часть пути мы проделали в абсолютном, звенящем молчании.

Старый жилой фонд на окраине сменялся панельными многоэтажками спального района. Чем ближе мы подходили к моему дому — стандартной двенадцатиэтажке с облупившейся желтой краской на балконах, тем тяжелее становилось дышать. Я ждала подвоха каждую секунду. Ждала, что он впечатает меня лицом в стену, защелкнет на запястьях антимагические наручники посреди детской площадки, пугая мамочек с колясками и местных алкоголиков.

Но ничего не происходило.

Каспер шел рядом, засунув руки в карманы тренча, и насвистывал какую-то легкомысленную джазовую мелодию. Он замедлял шаг у витрин круглосуточных цветочных лавок, рассматривая хризантемы. Задрал голову вверх, когда над нами пролетела стая ворон, оглашая ночь резкими криками. Он выглядел как турист, впервые попавший в этот район, а не как палач, который только что прочитал твои самые темные намерения и пожелал доброй ночи. Его спокойствие было ненормальным. Оно вибрировало в воздухе сильнее любой угрозы. И это бесило до зубовного скрежета.

Вот и мой подъезд. Кодовый замок, который я давно сломала и теперь просто плотно прикрываю дверь, чтобы сквозняк не выдавал отсутствие щеколды.

Я остановилась под тусклым козырьком лампочки, которая моргала в предсмертной агонии. Повернулась к нему. Мне нужно было сказать что-то язвительное, поставить точку, вернуть себе хотя бы иллюзию контроля. Но слова застряли в горле. Смотреть на него снизу вверх было физически тяжело.

— Мы пришли, — сухо констатировала я. — Твоя смена окончена, рыцарь. Можешь возвращаться в свой святой офис.

Он остановился в круге желтого света. Улыбка медленно сползла с его лица, уступая место серьезному, почти благоговейному выражению. Он сделал полшага ко мне, сокращая дистанцию до опасной. Наклонил голову, втягивая носом воздух, словно запоминая запах моей кожи, мокрого пальто и льда.

— Хороший район, — тихо произнес Каспер. — Тихий. Подходящий для того, кто хочет спрятаться.

Мое сердце пропустило удар.

— Спокойной ночи, Лилиан, — он отступил назад, возвращаясь в тень деревьев. — Было приятно прогуляться. Надеюсь на скорую встречу.

Его голос был бархатным, но в слове «скорую» прозвучал приговор. Это не была надежда случайного знакомого. Это было обещание хищника, которому понравился вкус крови жертвы и который обязательно придет проверить капканы.

Я толкнула тяжелую железную дверь плечом и вошла внутрь, ничего не ответив. Каблуки гулко застучали по бетонным ступеням. Я взлетела на свой седьмой этаж пешком, перепрыгивая через две ступени, лишь бы быстрее оказаться за дверью квартиры.

Только когда два замка щелкнули за спиной, а тяжелый засов из старой стали встал в пазы, я позволила себе выдохнуть. Прислонилась лбом к холодной крашеной фанере. Колени дрожали мелкой, противной дрожью. Не от страха перед дракой — демоны войны не боятся. А от чистого, незамутненного адреналина.

За мной никогда не охотились так. Демоны приходят убивать быстро и грязно. Архангелы спускаются, чтобы карать, сжигая все вокруг дотла.

А он... он играл. Будто ему нравился сам процесс выслеживания.

Я прошла на кухню, машинально достала из морозилки бутылку воды. Черное ледяное пятно тут же расползлось по пластику. Пришлось бросить бутылку на стол, чтобы не заморозить холодильник целиком.

Из окна кухни отлично просматривался двор. Я отодвинула штору, всматриваясь в темноту проулков.

Фигура в бежевом плаще уже скрылась за углом мусорных баков. Просто ушел пешком во тьму, растворившись в тенях старых гаражей.

И что-то глубокое, древнее внутри меня, то самое, что помнит хруст костей под ногами на пепелищах первых войн, подсказывало: эта прогулка была лишь разминкой.

Каспер оставил меня в покое ровно настолько, чтобы я успела снять пальто и заварить еще одну порцию горького кофе. Встреча состоится гораздо раньше, чем я жду. И правила игры будет диктовать он.

2.2

Утро началось не с будильника.

Я проснулась за полчаса до него, прислушиваясь к звукам дома. Гудение холодильника, далекий шум трассы, стук капель по карнизу. Чего-то не хватало.

Тишины.

Обычно после ночной прогулки через доки я спала как убитая, проваливаясь в черную дыру без сновидений. Но сегодня воздух казался наэлектризованным.

К десяти утра я уже сидела в мастерской. Спустилась в подвал, ожидая привычного запаха старой бумаги, клея и одиночества.

Вместо этого меня встретил запах дорогого одеколона и свежесваренного эспрессо.

За моим рабочим столом сидел Каспер.

Он вошел сам. Даже не соизволил занять стул у входа. Нет, этот ублюдок обосновался прямо на моем месте. Его тренч небрежно брошен на мой табурет, а на верстаке, среди баночек с микалентной бумагой и костяных шпателей, стоит картонная подставка с двумя стаканчиками.

На коленях у него лежала папка судмедэкспертизы. Синяя обложка резко диссонировала с пожелтевшим пергаментом XIV века, над которым я работала вчера.

— Ты что здесь делаешь? — голос прозвучал ровно, но пальцы сами собой сложились в жест активации. Воздух вокруг моих рук стал колким.

Каспер поднял голову от бумаг. Золотые искры в его глазах почти погасли, сменившись спокойной синевой. Он выглядел так, будто сидит в собственной гостиной.

— Доброе утро, принцесса, — он кивнул на второй стаканчик. — Я взял на себя смелость заказать тебе двойной без сахара. Бариста хотел плеснуть туда ванильного сиропа, но я успел его остановить. Сказал, что ты предпочитаешь вкус жженой резины и собственных грехов.

Я медленно выдохнула, пытаясь втянуть лед обратно под кожу. Пар изо рта исчез. Пальцы снова стали просто бледными, человеческими. Оборачиваться к двери, чтобы позвать Марвина, было бессмысленно. Мы были заперты вдвоем.

— Какого дьявола ты забыл в моем склепе? — процедила я, делая шаг внутрь. Запах ладана ударил в нос, вызывая тошноту. — Решил провести следственный эксперимент? Проверить, сколько времени потребуется моему телу, чтобы остыть до комнатной температуры?

— Всего лишь экономлю время налогоплательщиков, — он перевернул страницу в папке. Звук был оглушительно громким в тишине подвала. — И свое собственное. Если бы я ждал тебя снаружи, мы бы потратили лишние сорок минут на пререкания в переулке. А так... — он обвел рукой пространство, — ...мы уже на рабочем месте. Эффективность.

Это было вторжением. Абсолютным, наглым нарушением границ. Он не просто нашел мое место работы — он взломал ритм моего дня. Пришел раньше меня. Устроился удобнее меня.

— Встань. Сию секунду, — прошипела я. Мое терпение, натянутое до предела утренним холодом, лопнуло. — Пока я не превратила твой дорогой костюм в хрустальную статую.

Кас медленно закрыл папку. Положил руки на стол ладонями вниз. Жест абсолютного спокойствия хищника, который знает, что добыча загнана в угол клетки.

— Не могу, — произнес он тоном, каким сообщают о задержке рейса. — У нас труп. Точнее, то, что от него осталось. Судебная экспертиза передала дело мне, потому что обычный токсикологический анализ показал наличие концентрированной серы в крови. Но они не знают, как это интерпретировать. А вот твоя квалификация...

Он толкнул папку ко мне по поверхности стола. Движение было плавным, рассчитанным.

— Открывай, консультант. Посмотрим, насколько хорошо ты склеиваешь кости, когда они принадлежат человеку.

Мои глаза метнулись к синей обложке. Затем к нему.

Он играл грязно. Использовал мою суть против меня. Если я откажусь помогать следствию, он получит повод для официального ордера или визита коллег в форме. Если соглашусь — признаю его право находиться здесь. Признаю статус «консультанта», то есть — полезного инструмента.

Медленно, стараясь не делать резких движений, я подошла ближе. От него шел невыносимый жар. Бумага на столе рядом с его бедром начала едва заметно желтеть от сухости.

Я взяла папку. Открыла ее.

Фотографии места преступления. Обычный заброшенный склад. Разбитый алтарь из строительного мусора. И тело. Вернее, то, что от него осталось — почерневший силуэт, впечатанный в бетонный пол, словно насекомое в янтарь. Края ожога светились на снимке странным серебристым блеском.

— Третий за неделю, — тихо сказал Кас, пока я рассматривала фото. — Все жертвы — мелкие дилеры или должники. Бесы приходят за ними, находят пустую квартиру и оставляют визитную карточку в виде уголька. Но этот... этот умер иначе.

Я перелистнула снимок. Крупный план шеи погибшего. Странный узор, выжженный на коже. Похоже на печать сдерживания, но линии кривые, смазанные. Будто тот, кто чертил символ, делал это левой рукой в полной темноте.

Или той, чья кожа покрыта черной коркой и дрожит от ненависти.

— Что конкретно нужно твоему Департаменту? — спросила я, не отрывая взгляда от фотографии. Мой голос звучал глухо. — Чтобы я подтвердила, что это работа любителя? Или чтобы сказала, какой именно демон способен оставить такой фонящий след серы, не разорвав при этом Грань пополам?

Кас наклонился чуть ближе, опираясь локтем о мой рабочий стол. Теперь между нашими лицами было меньше фута пространства. Тепло его дыхания коснулось моей щеки.

— Мне нужно знать две вещи, Лилиан, — произнес он бархатным шепотом, от которого волоски на шее встали дыбом. — Первое: почему они ищут кого-то настолько целенаправленно, что сжигают квартал дотла? И второе...

Он сделал паузу. Протянул руку и аккуратно, двумя пальцами, снял с моего плеча невидимую снежинку инея, которая сорвалась с личины от злости. Размял её в пальцах. Она не таяла.

— ...почему третий труп выглядит так, будто убийца очень сильно торопился и ненавидел свою работу? Потому что, принцесса, эта печать... она сделана льдом. Буквально.

Мир сузился до размеров этой красной капли на его указательном пальце.

Воздух в подвале мгновенно похолодел градусов на десять. Лампы дневного света над головой начали покрываться густой бахромой инея.

— Что ты сказал? — мой голос упал на несколько октав, приобретая тот самый вибрирующий тембр Древних, от которого трескается стекло.

Кас улыбнулся. Той самой широкой, самодовольной ухмылкой сытого кота, которому принесли канарейку на фарфоровом блюдце.

— Ледяной крошкой, если быть точнее, — спокойно пояснил он, открывая чистую страницу в блокноте. — Совпадение с твоим следом на девяносто девять процентов. Поздравляю, консультант. Вы официально проходите по делу как свидетель с крайне подозрительным температурным профилем.

2.3

Следующие два часа прошли в гнетущей тишине, нарушаемой только шуршанием бумаги и щелканьем инструментов.

Я пыталась работать над требником. Механические движения обычно успокаивали, вводили в состояние транса, где нет ни прошлого, ни будущего. Но присутствие Каса ощущалось как заноза в пятке. Невозможно игнорировать, невозможно вытащить без крови.

От него шел сухой, концентрированный жар. Свечи в медных канделябрах оплыли на дюйм больше обычного. Кондиционер взвыл, пытаясь справиться с сухим воздухом, и затих, покрывшись изнутри кристаллами инея. Моя личина трещала по швам; кончики пальцев зудели от желания выпустить когти просто ради того, чтобы хоть чем-то занять руки.

Ярость копилась свинцом в желудке.

Чтобы не сорваться, я сосредоточилась на печати. Символ действительно сложный. Смазанные линии, неправильный угол наклона базового луча. Кто бы это ни рисовал, он либо паниковал, либо находился под каймом дешевого адского зелья.

— Угол слишком острый, — внезапно раздался голос Каса прямо над ухом.

Я вздрогнула так сильно, что костяной шпатель соскользнул, прочертив глубокую царапину по чистому полю пергамента.

— Какого черта?! — рявкнула я, вскакивая. Табурет с грохотом повалился на бетонный пол. — Тебе мало испортить мне утро, ты решил угробить четырнадцатый век?!

Каспер даже не моргнул. Он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел на мой верстак своими синими, абсолютно человеческими глазами. Ни грамма святости. Только легкая заинтересованность патологоанатома.

— Если продолжишь давить с такой силой, вырвешь кусок жилы вместе с корешком, — ровно произнес он. — Сядь. Ты трясешься.

— Не смей... — начала было я, но осеклась.

Он был прав. Пальцы дрожали мелкой, противной дрожью. Я снова опустилась на табурет, стараясь унять дыхание. Кас сделал шаг вперед, вторгаясь в мое личное пространство. От него пахло дождем, одеколоном и чем-то терпким, похожим на полынь.

— Дай сюда, — его голос прозвучал тихо, почти интимно, лишившись стальных ноток.

Прежде чем я успела возразить, он мягко, но властно перехватил мое запястье. Его пальцы были горячими — не обжигающими, как благодать архангела, а просто живым человеческим теплом. Он накрыл мою ладонь своей, полностью скрыв её из виду. Другой рукой он взял мой костяной шпатель.

Мы оказались скованы в странном танце. Мои руки лежали под его правой ладонью, зафиксированные мертвой хваткой. Наши бедра соприкасались под узким столом. Воздух между нами загустел, вибрируя от столкновения моего холода и его жара.

— Дыши со мной, — приказал он вполголоса. — И перестань пытаться заморозить мои кости. Инструмент скользит.

Я зашипела сквозь зубы, но послушалась. Вдох. Выдох. Под его пальцами пульс на моем запястье начал замедляться. Тепло его кожи проникало сквозь тонкую шерсть перчатки, плавя намерзший на моем рукаве лед.

— Целься в стык волокон, — его губы едва заметно шевельнулись возле моего виска, когда он склонился ниже, чтобы лучше видеть шов. — Видишь? Старая плесень ушла глубоко. Если просто залить клеем сверху, она сожрет основу изнутри через месяц.

Его палец, все еще накрывающий мой, чуть дрогнул, направляя острие шпателя. Мы работали молча. Это была хирургическая точность пополам с абсолютным абсурдом. Судебный эксперт инквизиции учит демоницу реставрировать молитвенник, удерживая её руку в захвате.

Когда край листа наконец лег на место, идеально прилегая к основе, Кас медленно убрал свои руки. Воздух сразу показался ледяным.

— Держи так две минуты, — бросил он, возвращаясь на место Марвина и открывая свою папку. — Пока клей не схватится. И вытри кровь с лезвия, оно позеленело.

Я посмотрела на свой шпатель. На самом кончике действительно темнело маленькое пятнышко. И когда я успела порезаться? Тихо выругавшись, я взяла чистую тряпицу.

Остаток дня прошел в тишине. Но это была уже другая тишина. Не звенящая напряжением, а рабочая. Густая, пахнущая столярным клеем, церковью и старым деревом.

Кас больше не пытался прожечь меня взглядом. Он методично работал со своими бумагами. Шелест переворачиваемых страниц сливался с моим дыханием. Время от времени он поднимал голову, делал глоток чая и задавал вопрос:

— Почему здесь использована смесь козьего клея и рыбьего пузыря? Экономили или прятали запах?

Это раздражало до зубовного скрежета. Он вел себя так, будто находился в читальном зале Британской библиотеки, а не в подвале с демоном. Он игнорировал тот факт, что температура в помещении упала до некомфортных для человека десяти градусов, а на стеклах витрин расцвел черный морозный узор.

Я отвечала односложно. Мои ответы звучали механически, но я понимала: если я промолчу, он задаст новый, просто назло. Это был компромисс. Я даю ему информацию из учебника истории, он сидит тихо и не дышит мне ладаном в затылок каждые пять минут.

К вечеру я набросила пальто прямо поверх рабочего халата.

— Там холодно, — не отрываясь от отчета, бросил Кас, кивнув на окно во двор. — Туман идет.

Я замерла, уже взявшись за ручку двери. Оборачиваться не хотелось.

— Что тебе нужно, ритуалист?

— Тот же состав, что скрепляет твой требник, — ответил он буднично. — Рыбий пузырь. Они использовали его в печати на алтаре. Старый рецепт. Церковь отказалась от него веке в двенадцатом, потому что он привлекает падальщиков. А вот низшие демоны Бездны чуют его за милю. Вопрос: зачем сектантам использовать церковную технологию наоборот?

Слова доходили до мозга медленно, продираясь сквозь густой туман голода и усталости. Церковная технология. Низшие демоны. Привлечение...

— Они не призывали фамильяра, — хрипло выдохнула я, опускаясь обратно на табурет. Голос звучал глухо, вибрирующий тембр Древних проступал сквозь усталость. — Они ставили маяк. Кровь людей служила топливом, а рыбий клей — проводником сигнала. Они искали кого-то конкретного. Кого-то, чья природа резонирует с гниением.

Кас поднял глаза от бумаг. Золотые искры вспыхнули в синеве радужек. Он отложил ручку.

— Значит, они знали частоту, — протянул он. — Или имели образец.

— Образец чего? — спросила я, хотя ответ уже бился в горле ледяным комом.

Он не ответил. Оделся, и снова вызвал мне такси до дома. Лишь бросил на прощание:

— Спасибо за помощь. Реставрация действительно оказалась полезной.

Когда машина остановилась у моей двенадцатиэтажки, я влетела внутрь ледяным вихрем.

Сбросила пальто прямо на пол. Горячий душ обжигал кожу, смывая запах ладана, но лед внутри только крепчал. Вытеревшись насухо жестким полотенцем, я упала на кровать. Сон накатил мгновенно, тяжелым шерстяным одеялом, обещая благословенное забытье без сновидений.

Бесполезно.

Тьма перед глазами расступилась внезапно, ударив по векам вспышкой электросудорожной терапии. Свет. Тот самый слепящий, стерильно-белый свет Небес. Он не грел — он выжи-

гал сетчатку, испарял влагу из глаз, заставляя кости крошиться от невыносимого жара святости. Боль пронзила грудную клетку там, где раньше билось сердце. Агония. Предательство, завернутое в божественный протокол.

Но сегодня боль отступила на второй план.

Вместо лица архангела, подписывающего мой приговор, перед внутренним взором возникло другое лицо. Расстояние в дюйм от моих глаз. И улыбка. Наглая, расслабленная ухмылка сытого кота, которому принесли канарейку на фарфоровом блюдце.

Тепло.

Во сне нет холода Бездны, поэтому я почувствовала его так остро, как никогда наяву. Его грудь — твердая, горячая, вибрирующая от сдерживаемой мощи — прижимала меня к кирпичной стене проулка. Не угрожающе. Защищая. Собственнически.

А потом губы. Те самые наглые, четко очерченные губы коснулись моей кожи. Не укусом палача. Легко, почти невесомо. Поцелуй в висок. Жест заботы. Жест, которого не существует в иерархии Ада, где слабость карается смертью.

— Попалась, — прошептал голос Каспера прямо в мой сон, смешиваясь с запахом ладана.

Я дернулась на скомканных простынях, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле. Простыня подо мной покрылась толстой коркой черного льда, тут же начав таять, оставляя влажное пятно на матрасе.

Я села, обхватив колени руками. Пот тек по спине ледяными ручейками.

Это сон. Просто физиологическая реакция мозга на стресс. Стокгольмский синдром.

Совпадение. Это все просто совпадение. Улыбка похожа? Любой святоша улыбается одинаково фальшиво, когда собирается вскрыть тебе грудную клетку.

Я встала, содрала мокрую, замерзшую простыню с кровати и с остервенением швырнула ее в угол. Хватит. Никаких больше прогулок. Никакого кофе. Завтра я вызову такси прямо к дверям мастерской и поеду окружной дорогой.

Забравшись под тонкое сухое покрывало, я сжалась в комок, пытаясь удержать свой холод внутри.

Закрыла глаза, приказывая себе спать.

На этот раз тьма пришла пустая. Черная, глухая, звенящая. Без света. Без рук. Без запаха ладана.

2.4

Субботнее утро пахло кофе и мокрым асфальтом — ночью прошел короткий, но яростный ливень.

Паранойя никуда не делась. Она просто сменила форму.

Вместо глухого звона пустоты теперь это было постоянное, зудящее чувство присутствия. Каспер оказался куда более въедливой тварью, чем бесы из переулка. Он не пропадал на два дня, чтобы потом эффектно появиться — нет, этот ублюдок выбрал тактику медленного удушения.

Это была игра. Самая отвратительная игра в кошки-мышки, где мышь знает правила, а кот делает вид, что просто прогуливается. Он не пытался напугать меня силой — он пытался свести меня с ума своим... присутствием. Своей вежливостью. Тем фактом, что он знал мой заказ лучше, чем бариста, и то, какой температуры должен быть чай для моей личины.

Я сидела на широком подоконнике своей кухни, поджав босые ноги под себя. На коленях стояла огромная кружка с обжигающим эспрессо. Я даже позволила себе включить обогреватель — старая чугунная гармошка тихо потрескивала, создавая иллюзию уюта. Я читала редкий гримуар семнадцатого века, посвященный связям крови, и впервые за долгое время чувствовала почти человеческое спокойствие. Выходные обещали быть продуктивными: Марвин

уехал на конференцию букинистов, оставив мне ключи от подвала и полный карт-бланш на работу с частными заказами.

Тишину разорвал вибрирующий треск телефона. Старый смартфон, купленный за наличные в переходе, пополз по деревянному подоконнику. Незнакомый номер. Длинный код города, который я не узнала. Спамеры? Налоговая?

Палец сам нажал «Отбой».

Не хватало еще выслушивать предложения бесплатной юридической помощи или косметологии.

Телефон взорвался трелью снова через три секунды. Тот же номер. Настойчиво. Раздражающе.

Третий раз.

С рычанием, больше подходящим для псины Баскервилей, чем для девушки, я схватила трубку и рявкнула:

— Если это спасение души, то сегодня скидок нет. Кто это?

В динамике раздался тихий смешок. Тот самый бархатный звук, который преследовал меня во сне последние две ночи. Звук захлопнувшейся ловушки.

— Доброе утро, принцесса. Неужели одно утро без моего общества так сильно ударило по твоему чувству собственной важности?

Воздух вокруг меня мгновенно похолодел. Чашка в руке покрылась толстой коркой черного инея. Кофе внутри превратился в кусок коричневого льда.

— Какого дьявола тебе нужно, Каспер? — процедила я, свободной рукой стирая со лба выступивший холодный пот. Личина держалась, но кожа уже начала бледнеть до состояния алебастра.

— Планы на выходные, — его голос звучал возмутительно бодро. Так буднично, словно мы вчера расстались на автобусной остановке, договорившись созвониться. — У тебя ведь они есть? Реставрация, кошки, чтение некрологов? Скукота. Одевайся. Мы едем дышать свежим воздухом.

— Иди к черту, псих, — огрызнулась я, пытаясь удержать дрожь в голосе. — Я никуда с тобой не поеду. Я вообще не обязана с тобой разговаривать. Оставь меня в покое, пока я не заморозила твой язык прямо в гортани.

Каспер проигнорировал угрозу с грацией танка, проезжающего сквозь картонный домик. В трубке послышался звук работающего двигателя и какой-то ритмичный электронный бит.

— Буду у твоего подъезда через пару минут. Не заставляй меня подниматься, твои соседи начнут сплетничать раньше, чем я умру.

И отключился.

Ни гудков, ни возможности ответить. Просто мертвая тишина в динамике.

Я смотрела на погасший экран, чувствуя, как ледяной панцирь сковывает грудную клетку. Первая мысль была холодной, рациональной и очень демонической: Я не спущусь. Я могу просто залезть в шкаф, превратиться в тень и просидеть там сутки. Пусть стоит внизу хоть до второго пришествия бога. Я не собака, чтобы бежать на свист. Я древняя сущность, а не декорация для его прогулки.

Но следом пришла вторая мысль. Колючая. Жгучая. Та самая, что всегда толкала меня вперед в самые безнадежные битвы.

Что он задумал?

Если бы он хотел сдать меня Небесам или Инферно — я бы уже горела на костре или висела на дыбе из адамантия. Его молчание было не отступлением. Это была пауза. Перерыв на обед перед основным блюдом.

Если я останусь дома, я никогда не узнаю правил этой игры. А неизвестность пугает гораздо сильнее, чем открытая угроза.

Проклиная свою любознательность, проклиная Небеса за создание таких невыносимо самодовольных ублюдков и проклиная саму себя за слабость, я встала.

Черный кардиган поверх черной водолазки. Джинсы. Ботинки на толстой подошве. Никаких каблуков — если придется бежать или драться, лучше иметь сцепление с землей. Пальто я застегнула наглухо, подняв воротник до самого носа. Зеркало в прихожей отразило бледное лицо с лихорадочно блестящими глазами. Выглядела я как пациент туберкулезного диспансера, сбежавший из-под капельницы.

Натянув капюшон максимально низко, я вышла из квартиры. Замок щелкнул слишком громко в гробовой тишине лестничной клетки. Я спустилась пешком, перескакивая через ступеньку, стараясь не касаться перил.

Улица встретила меня сыростью и гулом большого города. Субботний день был в самом разгаре. Я дошла до угла дома, прячась в тени козырька подъезда, и выглянула на парковку.

Сердце пропустило удар, а затем рухнуло куда-то в желудок.

Там, перегородив выезд старенькому «Матизу», стоял матово-черный монстр. Огромный внедорожник, похожий на хищного жука. Тонированные стекла, литые диски, агрессивный обвес. Машина выглядела абсолютно неуместно в нашем районе эконом-класса. Она буквально кричала о власти, деньгах и готовности переехать любого, кто окажется на пути.

Задняя правая дверь приглашающе щелкнула, открываясь сама собой. Из салона повеяло кондиционированным холодом и знакомым запахом ладана.

Я сделала глубокий вдох, собирая остатки своего замерзшего достоинства.

— Псих, — прошептала я в воротник пальто и шагнула под мелкую морось дождя, направляясь прямо к открытой пасти зверя.

2.5

Кожаная обивка сиденья тихо скрипнула, принимая мой вес. Я забилась в самый угол, подальше от него, и инстинктивно нащупала ручку двери, готовая вывалиться из машины прямо на ходу, если запахнет жареным.

Каспер не смотрел на дорогу. Он развернулся ко мне всем корпусом, сидя вполоборота на водительском сиденье. Одной рукой он небрежно держал руль, а другой…

Я моргнула, пытаясь сфокусировать зрение. В его пальцах был бумажный стаканчик. Тот самый картонный цилиндр, который я привыкла держать ледяными руками по утрам. Но сейчас от него поднимался густой пар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.